

Вещное безмолвие «БРУТТО» АЛЕКСАНДРА ПОВЗНЕРА В ВЦСИ

Валентин Дьяконов

«БРУТТО» напоминает не персональную выставку одного художника, а парк скульптур в духе спланированного великим постмодернистом Филипом Джонсоном сада при Музее современного искусства в Нью-Йорке. Трудно поверить, что все эти объекты сделаны одним человеком. Иной бы взял прием и растажиговал его в десятке скульптур. Повзнер с легкостью переключается между материалами и языками. В одной инкарнации он примитивист, наследник Джакометти и Пикассо, в другой — последователь сюрреалистов и конкретно Мерет Оппенхайм, одевшей чашку, ложку и блюдце в меха. Для местного контекста такая всеядность в новинку, как, впрочем, и особое отношение к вещи, в которой Повзнер с легкостью обнаруживает скульптурные качества. В русском авангарде не было ничего похожего, и самым близким аналогом реди-мейда остается стеклянный глаз вождя футуристов Давида Бурлюка, который иногда вынимался владельцем для пущего эпатажа. Советский андерграунд вещь как форму тоже не воспринимал: объекты вписывались в романские повествования о быте коммуналок и повсеместном проникновении идеологии. Повзнер всячески изгоняет из своих работ любой намек на ремесленный труд и стилизацию. Его скульптуры выглядят как результат загадочных, но естественных процессов. Промышленные материалы демонстрируют

повадки флоры и фауны. Работы Повзнера — антиподы охотничьих трофеев, всех этих чучел медведей, лосей и лис. Таксидермисты стараются оживить мертвую плоть, но всем понятно, что дикие звери не представляют угрозы. Повзнер работает с обычными предметами, которые под его чутким руководством демонстрируют необыкновенную прыть. Стальные трубки разрастаются ветвями и превращаются в трехмерную схему снежинки. Из ржавой батареи, как цветок на ветке, вырастает ярко-алая занавеска. У объектов нет названий и поясняющих текстов. «Брутто» — это редчайший в русском искусстве случай, когда концептуальные костыли художнику без надобности. Смысл

работ постигается интуитивно, методом проб и ошибок, а ошибки возникают обычно в результате слишком буквального прочтения. Прямых отсылок к истории искусства в «Брутто» не найти, но при желании можно

увидеть в объектах пересказ монументального ваяния от античности до сталинского ампира на языке товарного изобилия столичных супермаркетов. А найти в последнем эстетику без того, чтобы скатиться в пародию или критику общества потребления, — нелегкая задача, с которой художник справляется шутя, но без карикатурности, характерной для многих практиков современной скульптуры.

Воронежский центр современного искусства, до 28 сентября

Линия безграничности КОЛЛЕКЦИЯ «АРТ-ПЕНЗЫ» В ВОРОНЕЖЕ

Игорь Сергеев

100 РАБОТ проходящей в рамках фестиваля «Чернозем» выставки «Кругосветное путешествие» представлены галереей «Арт-Пенза», и это лишь десятая часть их коллекции. Своему названию экспозиция вполне соответствует: при галерее существует арт-резиденция, раз в год здесь проходят международные скульптурные симпозиумы, а живописцы, предварительно согласовав проект, могут приезжать в любое время. Здесь побывали художники едва ли не со всех континентов, и коллекция формировалась из их работ. На выставке можно увидеть произведения художников из двух десятков стран, преимущественно европейских и азиатских, работающих в самых разных направлениях (реализм, абстракционизм, импрессионизм, наивизм) и жанрах (пейзаж, натюрморт, портрет, эротика, мистика, репортаж). Кто-то из них, как китайцы и индийцы, подчеркивает связь своего творчества с национальными традициями, кого-то, например, живописцев из Ирана, отличает обостренный интерес к социальной проблематике, но чаще всего без подписи невозможно понять, откуда художник родом. И тем острее чувство прозрачности культурных границ и универсальности языка искусства.

Воронеж, выставочный зал на Кирова, 8, до 21 сентября

Киана Гиае (Иран). «Сон»

Синтия Саенц (Коста-Рика). «Химеры 2»